

Беседа с кузбасской писательницей Верой Лавриной **(Специально для газеты «Литературный сундучок»)**

– **Вера Леонидовна, фамилия Лаврина – это Ваш творческий псевдоним?**

– Да. Над псевдонимом я долго думала. Я занималась в литературной студии поэта Александра Ибрагимова. Она называлась мастерская «Аз». Там же занимался и мой муж поэт Андрей Правда. Александр как-то сказал мне: «Слушай, две Правды на один город слишком много, давай-ка бери псевдоним!». Мы стали думать, какой же псевдоним мне взять. Вариантов было несколько: по девичьей фамилии, по месту рождения или какому-то очень значимому месту. Девичья фамилия мне моя не нравилась: Попова – очень распространённая фамилия, неинтересная. Был ещё вариант – по географическому названию, откуда родом мои дедушки и бабушки – посёлок Аиртав. Саша Ибрагимов одобрил: «Вот – Аиртав! Вера Аиртав!», а я отвечаю: «Да ну, что это такое? Вера Аиртав?». И уже самостоятельно решила, что возьму псевдоним по названию деревни *Лавровка*, в которой я родилась. Во-первых, красиво звучит: Вера Лаврина – хорошо фонетически сочетается, имя и фамилия согласуются. Во-вторых, лавр – для писателя понятие многообещающее. И я остановилась на этом псевдониме: Вера Лаврина. Некоторые, кто недавно меня знает, удивляются: «А что, это твой псевдоним, что ли?». Он так слился со мной, что звучит как моя настоящая фамилия.

– **А что это за местность – Лавровка? Где находится этот посёлок?**

– В Кокчетавской области, в Северном Казахстане. Но теперь это не Кокчетавская, а Актюбинская область. Вы знаете, наверное, что сейчас в Казахстане географические названия часто меняют на «казахские». Например, моё детство прошло в селе Раздольное – это тоже Кокчетавская область. Так село называли целинники. Моя подруга детства была из семьи

первых целинников. Её отец Анатолий Алексеев рассказывал нам: приехали мы на неосвоенные земли, палатки поставили...

– Как, ребята, назовём местность нашу?

– Смотрите, какое раздолье! Раздольное и назовём!

Сейчас наше Раздольное переименовали в Озен. От чего это название произошло, не знаю... Возможно, и Лавровка сейчас уже по-другому называется... В Лавровке мы очень мало прожили. Вскоре уехали в Раздольное. Оттуда я переехала в Сибирь: сначала в Томск, а потом в Кемерово.

– **Наверное, в Томск Вы поехали учиться?**

– Да, я окончила Томский университет, исторический факультет. Потом аспирантуру. Ну а после аспирантуры приехала работать в Кемерово.

– **Расскажите о Вашей семье, в которой Вы росли. Кто были Ваши родители?**

– О своей семье я очень подробно написала в книге **«Так было»**.



Это наша семейная хроника, не только нашей семьи, но и всего нашего рода. Замысел книги принадлежит моему брату. Он как-то на праздник 9 мая пошёл со своим сыном, то есть с моим племянником, возлагать цветы к монументу Победы, и сын его стал спрашивать: «А у нас кто воевал? Кто у нас герой?». А брат толком и ответить не может. Он мне тут же позвонил и попросил: «Вера, ты у нас писатель, напиши книгу для наших детей о роде Поповых и Коровиных (мамин род), чтобы они знали, откуда мы «есть пошли». Я ему ответила: «У меня нет в планах такого замысла. Я не планировала такую книгу». Он говорит: «Ну ты запланируй, я тебе заплачу гонорар, как настоящему писателю», – брат у меня очень состоятельный человек. Я сказала, что не могу пока обещать. Нужны материалы, источники, чтобы написать подобную книгу. И вот мы с ним договорились, что я напишу небольшую книгу, страниц на 50, именно для наших детей. Я начала искать материалы, и их оказалось очень много! У нас были дневники отца – он всю свою жизнь вёл дневники. Они оказались у нас, кроме нескольких тетрадей, которые были утеряны, к сожалению. Потом у нас были воспоминания мамы, семейные письма – главным образом бытового содержания.

Я нашла сведения о землях и посёлках, в которых жили мои бабушки, дедушки. Это оказались юртовые земли сибирского казачества, то есть они были приписаны к Сибирскому казачьему войску. Потом я нашла монографии, познакомилась с учёным из Омска С. М. Андреевым, который написал замечательную монографию о быте сибирских казаков. Также прочла монографию В.А. Шулдякова о гибели Сибирского казачьего войска. В общем, я смогла восстановить историю моих предков с середины XIX века. Они были переселенцами из центральной России, которым на новых землях присваивали статус казачества. Книга получилась не на 50, а на 300 страниц.

Вплоть до коллективизации наши предки служили и крестьянствовали, как и полагается казачьему сословию. А потом, при советской власти, их загнали

в коммуны, колхозы, где они едва не погибли от голода (это мамина семья). А папины родители (мои дед и бабушка) уехали из села в город Степняк, статус быстро поменяли, стали пролетариями. Дед работал старателем на золотых приисках. Голодная участь их миновала. А вот дедушка и бабушка со стороны мамы... Они ужасающий голод пережили. Я обо всём этом написала в своей книге **«Так было»**. В моём детстве мама часто вспоминала: *«Ой, как мы голодали! Я, когда была маленькая, мечтала: «Вот мне хоть бы кусочек хлеба съесть!»*. А я тогда маму не понимала, точнее, не осознавала в полной мере значение этих слов, думала: *«Какой кусочек хлеба? Хлеба всегда полно!»*. И только потом, когда познакомилась с её воспоминаниями, когда мне стала ясна вся эта история, я поняла, какой кошмар они пережили. Мамины свидетельства очень ценные, не только для нашего семейного архива, они имеют историческую ценность. Ну что мы знаем о голоде в Казахстане, который был в конце 20-х – начале 30-х годов? Мы знаем о голоде на Украине, в Поволжье. А о голодоморе в Казахстане крайне мало известно.

Когда семью родителей моей мамы раскулачивали, у них всё отняли. Всё, даже муку из селницы вытащили, а в доме было трое маленьких детей! Им некуда было идти, и они записались в коммуну «Волна», потом её переименовали во «Вторую пятилетку». Коммуне передали обобществленный скот. Коммунарам давали молоко, сметану, яйца... А потом скот начал гибнуть. Общее хозяйство – это ведь не своё. За своим сам ухаживаешь, ночей не спишь. А общественное – это ничьё. И вот, когда скот весь вымер, есть стало нечего, начался жуткий голод. Люди стали умирать. Мама рассказывала, половина деревни вымерла от голода. Половина!

...Мои дедушка с бабушкой были крестьяне, а вот мои родители – это уже первое поколение сельской интеллигенции. И папа и мама очень сильно хотели учиться. Мама окончила семилетнюю школу, а потом педагогическое училище. Она всю жизнь преподавала в младших классах. А папа окончил

Свердловский университет, был историком. Работал директором, у него с самого начала стало получаться руководить школьным коллективом. Он был сначала в *Лавровке* директором, потом его в Раздольное направили, когда там открыли школу-интернат. Потом был директором в Красном Яре – это посёлок под Кокчетавом. Там он руководил средней школой, которую я окончила.



С папой, мамой и сестрой Наташей (Вера – рядом с папой)

– **Я знаю, что Ваш папа был настоящим библиофилом.**

– Да, это так. Для него было самым сладостным событием, как он сам признавался, прочитать хорошую книгу. «Как будто в жаркий день холодной воды напился!» – вот так он говорил о книге, которая ему понравилась.

И он, наверное, собрал тысяч пять томов книг. Для захолустного посёлка, каким был Раздольное, это очень много, я бы даже сказала, редкостно много. Отцовская библиотека осталась у нас – его троих детей. Мы разделили её. Мама же наша была погружена в основном в заботы семьи, у неё времени на чтение не оставалось: трое детей, хозяйство большое, огород. Мама была оплотом семьи, я бы даже так выразилась – её плотью, а папа – духом. Папа и к чтению нас приобщал: подсовывал всегда какие-то хорошие книги. Мама, честно скажу, читала мало, некогда ей было. Однако мама знала цену книге и образованию. Она сама любила учиться, как и писала об этом в своих воспоминаниях.

– **А что Вы читали в детстве, какие книги Вам нравились?**

– Я читала всю детскую классику: русскую, советскую, народные сказки. У отца в библиотеке было очень много народных сказок, не только русских, но и других народов. Он их собирал. Моей любимой книгой в детстве был «Конёк-горбунок» – такая большая иллюстрированная книга. Я прямо обожала такие книги и именно эту! Когда подросла, начала приобщаться к зарубежной классике: Марк Твен, Бичер-Стоу, Сетон-Томпсон, Гюго, Майн Рид... Романтика приключений так и манила... Потом и до Жорж Санд добралась... Помню, взялась за «Тысячу и одну ночь», а мама и говорит папе: «Ты посмотри, что она читает!», а он ей отвечает: «Все книги, которые есть у меня в библиотеке, она может читать, никакого ограничения для неё нет!». Сейчас думаю, тогда рановато было мне читать «Тысячу и одну ночь», но папа разрешал. Советская классика читалась: Чуковский и Маршак, Гайдар, которых я до сих пор люблю и своим детям читала, и внукам

читаю... Ещё мне очень нравились и до сих пор нравятся Туве Янссон, Астрид Линдгрэн, Памела Трэверс.

Я помню, как мы любили читать! Нас не нужно было заставлять. Напротив, отец боролся с тем, чтобы мы не читали по ночам. Нас укладывали спать в 11 часов, а Наташа, моя сестра, брала фонарик, закрывалась одеялом с головой и читала. А я делала по-другому: у нас в доме было два этажа, в 11 вечера все ложились спать, а я потихоньку спускалась вниз и включала свет на кухне. Внизу меня было не видно, не слышно, и я читала. Если я слышала, что кто-то идёт, я свет выключала и сидела тихо, как мышь, как будто и нет никого. Ещё папа терпеть не мог, когда мы читали за обедом. А мы и в обеденное время читали. Прямо за едой. Помню, однажды папа отнял у меня книгу Жорж Санд, когда я читала её за обедом. Как раз в самый разгар романтических страстей! Потом спрятал книгу и долго не отдавал, чтобы я помучилась и извлекла урок.

– Я знаю, что раньше и в школе и дома ребят учили бережно относиться к книгам...

– Да. Помню один показательный эпизод из своего детства по поводу того, какое трепетное отношение было у отца к книгам и как он в нас воспитывал это бережное отношение (я описала этот эпизод в книге «Так было»).

...Однажды я читала книгу Николая Носова «Незнайка на луне» – подарок папы. Лежала на полу и читала эту книгу, потом куда-то ушла, а книга осталась. А мой брат, ему было года два, на неё написал, без всякого злого умысла, ну просто так получилось. Страницы в книге съёжились и пожелтели. Отец был в такой ярости! Он сказал: «Ты возьмёшь эту книгу, – он мне ужасное наказание придумал, конечно, – ты возьмёшь эту книгу, пойдёшь в школу и перед всем классом расскажешь, что ты сделала с ней! Я спрошу у учительницы, сделала ты это или нет!». Очень суровое наказание! Я была в школе примерной девочкой, отличницей! Представляете, как это –

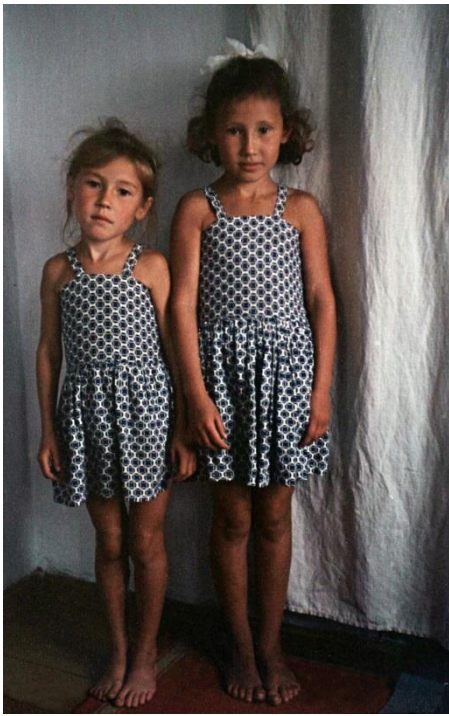
покаяться перед всем классом, да ещё в таком позорном проступке? И вот я потащила с этой книгой в школу. А у нас была очень хорошая учительница Светлана Дмитриевна. Она как раз готовила класс к контрольной работе, всех выдворила из кабинета и начала на доске писать задание. Я дождалась, пока все выйдут, подошла к ней и начала рассказывать. Я стою, плачу и не могу ей дальше рассказывать, захлёбываюсь слезами, а она говорит: «Всё, я поняла, иди, иди!». Перед классом я так и не покаялась – это оказалось свыше моих сил, но и папу не послушалась. Да об этом даже и помыслить нельзя было. Чтобы его послушаться. Я бы не сказала, что папа наш был жестоким, я очень любила отца, ну просто не могли мы его послушаться – и всё тут, настолько авторитет у него был высоким: если что папа сказал – это закон! В небе написано большими буквами! Вот так папа воспитывал в нас отношение к книге. После этого случая я книгу не могла даже на пол положить, потому что это ж святотатство, как он говорил! Святотатство! Я не знала, что такое «святотатство», но, кажется, на эмоциональном уровне понимала значение этого слова. Когда папа злился, у него губы начинали беззвучно шевелиться. Я не думаю, что он в это время произносил ругательства – это просто была эмоциональная спонтанная реакция. И когда он дрожащими губами произнёс это слово – святотатство, я поняла: святотатство означает что-то ужасное.

– Вы что-нибудь писали в детстве? Сочиняли?

– Не помню, чтобы я что-то сочиняла в детстве. Вот сестра моя, Наташа, писала. Она, к сожалению, уже ушла из жизни, трагически погибла в автокатастрофе. Я написала книгу о ней, которая так и называется «Сестра». Книга уже увидела свет.



Сестра писала в детстве, она себя ощущала настоящей писательницей. Наташа брала общую тетрадь, на одной стороне листа рисовала иллюстрации, а на другой писала текст к ним. Мне тогда это казалось просто чудом: на моих глазах книга рождается! Это же в Москве книги делают, где-то в издательстве, а она – вот тут, прямо у тебя на глазах появляется! Наташа так и называла каждое своё новое сочинение – Произведение. А под названием произведения выходные данные указывала: автор, дата начала написания, дата завершения. Как в настоящем издании. Я помню названия её «произведений»: «Дарья», «Про нас и про вас», «Паля», «Шумный двор или барак». Причём, «Дарья» имела «шесть изданий». Под «изданием» Наташа понимала части или продолжение повести, но создавала их в новой тетради. Думаю, своим увлечением сестра дала мне какой-то скрытый писательский импульс, творческий толчок. Тогда, в детстве, я с нетерпением ждала её произведений. Она мне на день рождения их дарила. Ночью тихонько подсовывала под подушку. А утром – о счастье! – я находила их.



С сестрой Наташей: Наташа - справа, Наташа – слева

– Вы сказали, она их сама иллюстрировала? Всё-таки кем она больше была – художником или писателем?

– Наверное, ровно наполовину, ведь на одной странице она рисовала, а на другой писала. Но потом она больше сосредоточивалась на рисунке. На сочинительство у неё уже терпения не хватало. И вот что интересно: моя сестра выросла, стала врачом и всю свою жизнь писала исключительно истории болезней. Она перестала писать вообще. А я вот, наоборот, начала писать и не могу остановиться до сих пор!

– Вера Леонидовна, Вы с детства любили читать, вам нравилась литература, почему же тогда Вы решили пойти учиться на историка?

– Влияние отца, я думаю. Он был историком, преподавал в старших классах историю, и мне преподавал. Преподавал прекрасно, на мой взгляд, очень заинтересованно.

– Как Вы начали писать? Когда появились Ваши первые литературные опыты? Что это были за произведения – проза, поэзия?

– Я в университете начала писать стихи, признаюсь честно, совсем бездарные, про любовь – все начинают с этой темы.

А сейчас вообще настало время, когда все пишут. Пишут стихи, ведут блоги, заметки какие-то в Инстаграме, каждый обязательно что-то пишет. Прямо период массового писательства! Но не все при этом становятся писателями. О поэтах хочу отдельно сказать. Поэты, особенно начинающие, в своём творчестве впадают в состояние, как я бы его назвала, токующего глухаря. То есть в них неожиданно пробуждается поэтическое вдохновение – страстное стремление к самовыражению. Нахлынет поэтическая волна – и польются строки, одна за другой, очень часто простые, незамысловатые строки – как звук глухаря, когда он токует. Когда глухарь токует, он упоён этим, он ничего не слышит. И вот начинающий поэт или писатель эти свои, часто несовершенные, тексты воспринимает как какое-то божественное явление, чудо. Он не слышит того, что говорят окружающие, например: «Знаешь, это как-то архаично смотрится, ты почитай Есенина!». «Да отстаньте вы со своими Есениным, Пушкиным, Ахматовой!» – отвечает поэт. Понимаете, если он начнёт прислушиваться к тому, что ему говорят, он, наверное, перестанет писать. А вот в состоянии токующего глухаря он этого не сделает, потому что ему не важно, что ему говорят, он так самовыражается. Думаю, главное, чтобы этот период – период токующего глухаря – не затянулся, потому что поэт (или писатель) должен обязательно перейти на следующий этап, когда он начнет слушать и слышать критику, начнёт её воспринимать и начнёт читать. Он должен осознать и принять критерии подлинной поэзии, тогда он станет меняться и расти. Читать очень важно для писательского роста. Вот мы всегда говорим: «Читайте, читайте!». И часто те, к кому это обращено, не понимают всей значимости чтения: а для чего, собственно, нужно читать? А для того, чтобы приобщаться к шкале мастерства. И когда

она будет перед тобой – эта шкала, эта планка, ты будешь двигаться дальше и дальше и станешь поэтом. А если не будешь – останешься любителем. Вот и я – тоже токовала, токовала, потом тоже начала читать поэтические тексты и очень много их читала, просто запоем, взахлёб!..

– Вера Леонидовна, что касается поэзии, я знаю, что Вы пишете необычные стихи – хайку... Как Вы к этому пришли?

– Однажды мне попала японская поэзия малых форм: хайку, танка. Впрочем, почему попала? Мне папа подсунул книгу «Японская поэзия» – антология за несколько веков. Она произвела на меня огромное впечатление. Я начала дрейфовать в эту сторону – стала писать хайку. Меня заворожил этот жанр – как много можно сказать всего лишь в трёх строчках! Поэтическая миниатюра мне оказалась очень близка. Рифмованные стихи в итоге я перестала писать и писала только хайку. Их я пишу до сих пор, пусть и не очень часто. И состою в сообществе хайдзинов.

– По-моему, очень сложно писать хайку.

– Вероятно. При кажущейся простоте в этом жанре есть своя определённая эстетика, и если ты не знаком с механизмом её создания, то получается банальность.

– Вы сказали, что состоите в сообществе хайдзинов?

– Да, существует Ассоциация мастеров поэтической миниатюры. Я вхожу в правление.

– Ассоциация существует в Кемерове?

– Нет, в Москве, это общероссийское и даже международное сообщество. В Кузбассе тоже есть хайдзины, но очень мало. Назову нескольких: Любовь Арбачакова, Евгений Казаков, Юлия Хиневич, Юрий Дьяконов. Юлия как-то прочитала мои хайку и говорит: «А что, так можно писать? Вот так можно писать?!». «Ну да...» – отвечаю. «Так у меня есть такие!». И она принесла

мне свои поэтические миниатюры. Я выбрала несколько, и мы послали их на конкурс. На конкурсе у неё прошло одно или два стихотворения.

– Вера Леонидовна, расскажите немного о Вашей профессиональной деятельности. Где Вы её начинали?

– Я закончила Томский университет, вернулась домой в Кокчетавский район, по распределению год работала в Кокчетавском пединституте. Однако по специальности мне работу в нём не предоставили, а назначили на должность старшего лаборанта. Спустя год я уволилась и уехала в Томск. Поступила в аспирантуру Томского университета, на кафедру Древнего мира и Средних веков. Диссертацию писала по историографии. Моим руководителем был историограф, у него сложилась своя научная школа, весьма солидная, много учеников по всей Сибири. Очень серьёзный учёный был – Борис Георгиевич Могильницкий. С большим уважением и теплотой его вспоминаю. Уже после окончания аспирантуры приехала в Кемерово. В Кузбасском государственном техническом университете проработала много лет. Я преподавала разные дисциплины, но в основном культурологию. Сейчас в технических вузах практически все гуманитарные дисциплины урезаются, остаётся буквально минимум... В моё время в КузГТУ было пять культурологов, теперь остался один. Сегодня я в университете уже не преподаю. Работаю в детском саду № 32. Руководитель этого детского сада выиграла грант по патриотическому воспитанию, и в рамках гранта была создана литературная студия «Словотворчество». Меня пригласили в студию заниматься с детьми литературным творчеством. И вот уже третий год я здесь работаю.

– Вы работаете с дошколятами? И как? Наверняка это очень сложно!

– О способах и результатах своей работы я написала статью «Весною золотою...». Её опубликовали в «Огнях Кузбасса» в 2021 году. Вы правы, работать с дошкольниками действительно непросто: они ведь ни читать, ни

писать не умеют. Это проблема. Как с ними заниматься? Ко мне приходят и трехлетки, некоторые даже говорят очень плохо.



– Можете поделиться некоторыми своими секретами работы с такими маленькими детьми?

– До детского сада я работала в Кузбасском центре искусств, вела занятия в детской литературно-художественной студии «Мурлыка». В ней ребята занимались, конечно, постарше. Они сочиняли разные произведения для собственных книг и готовили к ним иллюстрации. С ними работал художник. А я как писатель помогала им подготовить свои тексты. Туда детей приводили уже с литературными наклонностями.

В детском саду есть группы платные и бесплатные. В бесплатные я набираю детей по принципу говорливости. Воспитатели мне говорят: «Вот этот хорошо говорит, он такой разговорчивый, берите его!». Это действительно

важно. Если ребёнок «говорящий», его всегда можно подтолкнуть на рассказ, на сочинительство.

Я практикую с маленькими детьми литературные игры, очень простые. Например, описание дерева. Задаю вопрос: дерево какое бывает? Мы садимся в круг, дети кидают друг другу мячик, называя свойства дерева.

– Дерево зелёное, – говорит первый и кидает мячик следующему.

– Большое! – говорит следующий и кидает мячик третьему.

И так далее по кругу. Кто повторится или не сможет подобрать эпитет, тот выбывает. Так они подбирают эпитеты, учатся находить синонимы. Другая игра: берём слово «машинка». Детям задаётся вопрос: машинка что может делать? Дети также перечисляют по кругу: тормозит, едет, сигналист, обгоняет. То есть они подбирают разнообразные действия для какого-то предмета. Ещё у нас есть интересная игра с подбором синонимов. Она выглядит как сказка. Я начинаю рассказывать: жила-была мама, она была очень хорошая, тут прибежала обезьянка, схватила слово «хорошая» и убежала. Какое слово надо найти, подобрать, чтобы мама оставалась хорошей? Дети предлагают слова.

А что касается сочинений – я записываю на диктофон детские рассказы, сказки, стишки, загадки. При этом важен их замысел, зерно. Я отталкиваюсь от этого. Дети начинают сочинять, фантазировать на какую-нибудь заданную тему или свободно, а я начинаю «раскручивать» их замысел – задавать вопросы, уточнять. Диктофон при этом включен. Потом я всё лишнее «отшелушиваю», оставляю в бумажной записи только самое-самое. Также дети на занятиях много рисуют. Это тоже очень важно. Рисунок в данном случае заменяет слово. Они рисуют на заданную тему или свободно. Потом в ходе беседы по поводу нарисованного возникает текст.

А стихи сочиняем так: дети предлагают первую строчку, я ко второй подсовываю рифму – им рифму ещё сложно подобрать именно для внятных

стихотворных строчек. Рифмованное стихотворение они ещё не могут сочинить, ритм улавливают, а вот с рифмой им надо помочь. Сочинительство стихов происходит по-разному. Вот один из вариантов (реальный). Спрашиваю у ребёнка:

– О чём ты хочешь написать?

– О кукушке.

– Хорошо, начинай!

– Кукушка, кукушка, хватит куковать! Кукушка, кукушка ты нам мешаешь... (делает паузу).

– Что нам мешаешь делать? – задаю наводящий вопрос, уточняю:

– Играть? Спать?

– Да, спать!

Ну вот, получилось такое двустишие. Этого достаточно для них! Как-то прочла я стихотворение одной девочки из этого садика: всё рифмованное из четырёх строк, с чётким ритмом. Якобы это она сама сочинила. Пришла эта девочка ко мне на занятие однажды, и я поняла, что она и двух слов связать не может! Понятно, что кто-то написал за неё это стихотворение! Зачем это нужно? Ну пусть будет двустишие, пусть это будет какое-то детское восприятие мира, посыл детский! Вот как про кукушку. Подказала я слово, но полностью-то она его сочинила, это обращение к кукушке! Я в прошлом году отправила работы шестерых детей из студии на городской литературный конкурс «Свой голос». Все получили грамоты.

Ещё мы делаем с детьми книжечки, самые простые: берём листочки, складываем, дети склеивают. Я им говорю: «Вот твоё произведение, вырезай и клеивай сюда, – они сами вырезают, клеивают. – Теперь иллюстрируйте!». И вот у них уже своя книжка есть. Она, конечно, кривая-косая, в ней что попало нарисовано, но это то, что они сделали сами!

Обязательно говорю: «Покажите папе с мамой, какая у вас книжка!». Я им ещё наклейки после каждого занятия раздаю.



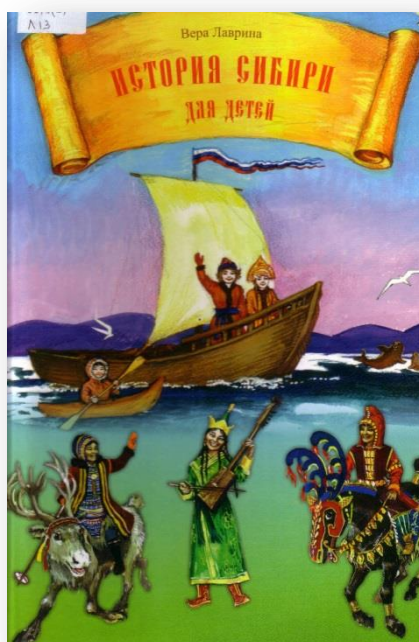
Они наклейки наклеивают в книжечки. Некоторые дети ещё конвертики самостоятельно клеивают, печати ставят, пластилиновыми цветами украшают обложку. Ещё что-нибудь придумывают, кто во что горазд! Я долго думала, каков будет наш, так сказать, творческий продукт? И стали мы вот такие книжечки делать, это и есть наш продукт. Я даже думаю, что, может, мы будем эти книжечки изготавливать более профессионально, печатным способом. Но в этом деле нам нужен помощник, потому что здесь уже финансовые затраты понадобятся.

– Вера Леонидовна, я читала Вашу книгу «История Кузбасса в рассказах для детей». Всё так легко, доступно и очень интересно написано. Одно

удовольствие изучать родную историю по такому изложению.
Расскажите, какие ещё у Вас есть книги для детей?



– Спасибо, рада, что вы знакомы с этим моим изданием. У меня ещё есть «История Сибири для детей». Эта книга сделана по современной модульной системе вёрстки, в ней много иллюстраций.



Здесь текст не доминирует. Он является дополнением, пояснением к иллюстрациям. Как и в «Истории Кузбасса в рассказах для детей», в «Истории Сибири» документальный материал сочетается с художественными рассказами, героями которых являются дети. Я хотела, чтобы современный ребёнок как бы глазами своих далёких сверстников – детей прошлого времени – увидел это прошлое.

– А как у Вас родилась такая идея – писать исторические произведения для детей?

– Историю Кузбасса я написала по заказу издательства «Кузбасс». Они делали исследование рынка и выяснили, что есть большая потребность в книге подобного содержания. Я начала над ней работать. Мне хотелось найти такую форму изложения, которая помогла бы детям погрузиться в исторический материал, эмоционально сопереживать событиям.

- Вера Леонидовна, Ваше литературное творчество так многообразно... Вы можете рассказать в целом, в каких литературных жанрах Вы работаете?

– Пойду от обратного, скажу, в каких жанрах я не работаю. Я не пишу романы, драмы, одна у меня, правда, в черновиках лежит, но я что-то никак не могу её закончить... Я не пишу фэнтези, хотя несколько раз замахивалась и у меня есть для этого материал. Замыслы, наброски лежат у меня папками. Мой жанр, скорее, – не тяготеющий к большому объёму. Например, хайку. Если это научное творчество – статья. У меня нет монографий практически, хотя были замыслы, но хорошо, что они не осуществились, это была бы вторичная штука, которая едва ли какую-то практическую пользу бы имела. Если говорить о прозе для взрослых, то у меня есть прозаические миниатюры. Сказки и сказочные повести есть недлинные, это для детей. Вот сейчас в «Огнях Кузбасса» готовится моя юбилейная публикация – повесть «Филипок Дубовый листок», написанная в народном стиле, как я люблю.

– Давайте отдельно о Ваших сказках поговорим. У Вас их такое множество!

– Я любила сказки всегда. Начала я их писать, когда дети родились. Стала много читать им сказок, а потом решила: дай-ка я и сама попробую сочинить! Сначала я писала такие обычные сказки, совершенно ничего из себя не представляющие. Александр Ибрагимов, руководитель студии, в которой я занималась, сказал: «Слушай, это всё ерунда!». Когда их обсуждали на «Мастерской Аз», я пережила стресс необычайный: я же их ценила, в них так много душевных сил вкладывала! Но после критики поняла, что если не буду по-другому писать, то я пропала. Карьера моя писательская завершится! В то время я серьёзно углубилась в православную тему. Я подумала: что во мне самое глубинное? То, что я русская, а значит, носитель русской культуры и христианка. И вот я обратилась к русским корням, и у меня стали получаться такие сказки, которые потом опубликовали: «Диковинки», «Трепесток», «Пим-найдёныш», «Филипок Дубовый листок». У меня есть и другие сказки, романтические, их много! Я насчитала где-то всего 120 сказок, если считать с повестями и сказками в стихах. Опубликовано около 70 моих сказок. Для того, чтобы создать свой корпус какой-то значимой литературы, и полсотни сказок вполне нормально... Я их написала уже!

– А что самое важное в произведениях для детей, на Ваш взгляд? Какими они должны быть?

– Самое важное, чтобы не было занудства, чтобы дети заинтересовались. Говорят: надо, чтоб воспитательный характер носило детское произведение! Но если вы неинтересно напишите, нудным языком – будет абсолютный ноль воспитательного эффекта! Хорошо сказал Лев Дуров: необходимо поучать, развлекая. Ты, писатель, сначала ребёнка заинтересуй чудесным миром, который ты создал, миром, в котором этот ребёнок захочет остаться, в котором ему комфортно будет, а потом уже можешь и поучать. А если вы скажете: «Дети, нельзя драться!», дети воспримут это как нудное

нравоучение. Вот, например, Туве Янссон, люблю её произведения, они не прямолинейны и не назидательны, чего я терпеть не могу в детских произведениях, но они рожают такое доброе и светлое чувство оттого, что там трогательные и всегда готовые прийти на помощь персонажи. Она не говорит: «Будь добр, помогай!», но это вытекает из всего повествования книги.

– Вера Леонидовна, что читать сегодняшним детям? Можно ли им рекомендовать детскую литературу, на которой росли их бабушки и дедушки?

– Имена детских писателей, которые мне близки, я уже называла. Вообще, каждый выбирает своих авторов. Сейчас в детскую литературу приходят новые имена, новые авторы, которые находят своего читателя. И это нормально. Сегодняшние дети совсем другие, они должны получать то, что отвечает их сегодняшним запросам и той среде, в которой они живут. Я не читаю современным детям, например, Бианки, Паустовского и даже детские рассказы Льва Толстого. Произведения Л. Толстого для детей какие-то прямолинейно поучительные, сухо назидательные. Я помню, писательница Дина Рубина рассказывала такой интересный случай. Она живёт в Израиле и хотела, чтобы её дети знали и были приобщены к русской культуре. В воскресную русскую школу их отдала. И вот однажды она спрашивает дочь: «Ну, что вы там изучали?», а дочь ей так неохотно отвечает: «Рассказ Льва Толстого «Сливная косточка» (именно «сливная»).

– Про что же этот рассказ?

– Да там хай из-за фруктов подняли!

Детям показалось странным, что мама пересчитывала все сливы, причём два раза! А потом одной сливы недосчиталась и пожаловалась отцу. Это что за мама, которая выставляет сливы на стол в горнице: типа, ешьте! Она же не сказала: вот я выставила сливы, а вы их не ешьте. Она сама решила дать их

детям во время обеда. И при этом пересчитывает сливы до обеда и в обед. Что же это такое?! Маленького ребёнка высмеяли за то, что он съел эту несчастную сливу, которую никто и не запрещал есть! (*примечание редактора: возможно, не все педагоги согласятся с такой необычной трактовкой рассказа для детей Льва Николаевича Толстого «Косточка»*).

– Вера Леонидовна, у Вас случаются в жизни периоды, когда ничего не хочется писать или не получается? Как Вы с этим справляетесь?

– Конечно, случаются. Я воспринимаю это естественно: Господь дал вдохновение, ну и спасибо. Раньше я по 15 часов могла сидеть! Сейчас уже столько не могу, сама себя ограничиваю, это довольно серьёзная эмоциональная нагрузка – литературное творчество. Случаются, конечно, творческие простои, пока поток поймаешь и войдешь снова в него. Можешь днями просиживать, ничего не создавая. День мучаешься, два, а на третий что-то получается. Иногда я сказку могу написать за 2 часа, а есть такие, которые уже 10-20 лет лежат и так и не написаны. Я не знаю, как у других писателей, но у меня так. А иногда приходит ощущение, что ты от тупика к тупику движешься, один тупик преодолел кое-как, дальше сюжет развивается – и снова тупик...

– А у Вас есть из Ваших собственных произведений любимые?

– Я сама ценю те свои сказки, которые написаны в народном духе. Работая над ними, я погружаюсь в стихию русского народного творчества и оттуда черпаю вдохновение. Мои три любимые книги: «Трепосток», «Диковинки», «Пим-найдёныш». На мой взгляд, это самые ценные мои сказки. Я встречаю хорошие отклики именно на эти вещи. Может быть, ещё несколько десятков хайку...

– Что Вас вдохновляет на творчество?

– Как любой пишущий человек, я очень люблю природу, у меня потребность бывать в красивых местах на природе. Люблю туризм. Но вообще-то, если ты

находишься в потоке, тебя может вдохновлять абсолютно всё: сон, обрывок воспоминания, чьё-то произведение, разговор, вещь.

– А новые впечатления, события – они необходимы для вдохновения и в качестве творческого материала?

– Необязательно. Я много хайку написала, просто глядя в окно. За окном что-то происходит, например, сидят на ветках свиристели, посвистывают, у них такие тонкие хохолки, взъерошенные на морозе. Для хайку этого впечатления достаточно. Теперь осталось подобрать нужные слова и расставить их в нужном порядке. Есть же какая-то внутренняя жизнь, внутреннее течение, которое обновляется. Каждый наступивший день не похож на предыдущий, он всегда приносит что-то своё, новое. Я не очень привязана к внешним впечатлениям. У меня есть несколько путевых заметок о внешних впечатлениях, о ярких путешествиях в Италию, в Крым. Но я не считаю это чем-то выдающимся. Любой считает своим долгом написать в сетях о своих путешествиях. Я думаю, что путевые заметки – это низкий жанр. Я сейчас вообще перестала этим заниматься. Мне хочется писать то, что рождается из какой-то духовной глубины. Вот оно представляет ценность. И кстати, чтение поэзии тоже вдохновляет. Я сейчас начала писать цикл трёхстиший, который назвала «Читая». Когда я прочитываю трёхстишия других хайдзинов, то некоторые вызывают у меня свои собственные ощущения, эмоциональные переживания и воспоминания, связанные или даже не связанные с прочитанным. Например, я читаю стихотворение японского автора про ручей: герой переходит ручей, видит там рачков в прозрачной воде, и я вдруг вспоминаю, как у нас летом на Пионерке река Большая Камышная звенит и блестит на перекате, переливаясь на солнце своими струями. И мне хочется «пришпилить» это впечатление формой хайку.

– Вера Леонидовна, что бы Вы посоветовали тем, кто только начинает свой творческий путь в литературе?

– Я уже в одном стремлении к литературному творчеству вижу драгоценность, я бы поощряла это стремление. Даже если человек не станет писателем, этот опыт даст ему возможность глубоко рефлексировать, стать хорошим читателем, что тоже немаловажно. Мы же, писатели, так нуждаемся в читателях! Если же начинающий автор видит себя всё-таки писателем, нужно, как я уже говорила, много читать и обязательно попасть в какую-то творческую среду – литературную студию или какое-то сообщество, чтобы встретить своих единомышленников, чтобы вместе читать, обсуждать свои произведения и произведения других авторов, искать отклик окружающих на свои тексты. И надо слушать и слышать! Если же пока не получается писать по-настоящему – ничего страшного! Если ты очень сильно хочешь, стараешься, обязательно научишься и достигнешь цели – станешь хорошим писателем! Я думаю, что на голом месте не рождается жажда писать.



Беседовала Варя Штейникова (16 лет).

Редактор Марина Цыпкайкина.